

УДК 378.1(476)

Э.М.ДЕРГУНОВА

БЕЛОРУСИЗАЦИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В 20-30-е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОГО ВЕТЕРИНАРНОГО ИНСТИТУТА).

Первая половина 20-х годов характеризовалась в республике становление национального самосознания, национального характера, языка и культуры. Открывались национальные школы, белорусский язык звучал в стенах техникумов и вузов. Усилиями ученых Инбелкультва создаются терминологии для различных отраслей знаний. Появляются первые учебники для сельскохозяйственных, медицинских, экономических специальностей. В вузах вводятся вступительные экзамены по белорусскому языку, что явилось фактором поднятия его престижа.

Аналогичные процессы проходили на Витебщине. Цель научной работы - на базе архивных материалов изучить методы проведения национальной политики в Витебском ветеринарном институте. Эта проблема особенно актуальна в связи с необходимостью использования опыта прошлых лет на современном этапе.

Незадолго до официального объявления о переходе республики к политике белорусизации состоялся Пленум ЦК КП(б) Б. Он рассмотрел положение дел в области народного образования, разработал план подготовки квалифицированных кадров на национальной основе.

Развивая решения Пленума, в апреле 1926 года состоялся коллегия Наркомпроса. Она приняла план перевода сельскохозяйственных вузов, техникумов, профшкол на белорусский язык, подразумевая переориентацию всего учебного процесса, который должен был базироваться на местных этнографических и экономических особенностях края, а также переход преподавателей на белорусский язык в процессе обучения. Всем научным и учебным заведениям, готовящим специалистов для сельского хозяйства, предписывалось в 1926 - 1927 учебного года занятия на I курсе вести исключительно на белорусском языке, а на других курсах как минимум продолжить работу на белорусском языке по предметам, которые на предыдущих курсах уже велись на белорусском

языке" /1/.

Витебский ветеринарный институт, созданный в 1924 году, к 1927 году не имел возможности подготовить собственных научных работников, он еще не сделал ни одного выпуска, не имел собственной аспирантуры. Из числа профессорско-преподавательского состава было много приглашенных из других союзных республик. В 1927-1928 учебном году из 47 научных работников было: белорусов - 17, русских - 27, других - 3. Из них знали белорусский язык: профессоров - 1, доцентов - 5, ассистентов - 6, ординаторов - 3. На белорусском языке преподавалось 4 дисциплины (6% от всех лекционных часов) /2/. В таких условиях, когда не были подготовлены материально-технические предпосылки для постепенного перехода на белорусский язык обучения, проверяющие из национальной комиссии рекомендовали правлению института составить жесткий план "полной белорусизации". Он предполагал к 1 сентября 1928 года перевести на белорусский язык 14 кафедр, к 1 февраля 1929 года - еще 10, а конечный срок перевода был определен к 1 июля 1929 года /3/.

Далее все шло по сценарию. В 1932 году Национальная комиссия ЦИК БССР осуществила генеральную проверку состояния белорусизации вузов и сделала неутешительный вывод: 25% студентов не знают языка, слабые знания истории КП(б) Б, нет никакого представления о задачах национальной политики. В марте 1933 года Пленум ЦК КП(б) Б осудил "искажения и перегибы" и классифицировал их как проноки классовых врагов. Случаи, когда запрещался русский язык, были обобщены партийными организациями Минского и Могилевского пединститутов.

З а к л ю ч е н и е. Революционное нетерпение, унаследованное от недалекого прошлого и выразившееся как в форсировании темпов белорусизации, так и в установлении крайне жестких сроков для изучения белорусского языка, увольнение с работы и другие меры к сотрудникам, по ряду причин не сумевших освоить язык, вело к накоплению негативных последствий, объективно способствовало проявлению сопротивления против таких методов ее ведения, искажению самой сути белорусизации, а в конечном итоге, откату от нее.

1. Гарэцкі Г. Аб беларусізацыі вышэйшых навучальных устаноў БССР // Асвета. - 1926. - № 6. - С. 184-193.

2. ЦГАОР РБ. Ф. 42, оп. 1, д. 1544, л. 87.

3. Там же, ф. 701, оп. 1, д. 56, л. 74.